

Су Цзиньхуа вернулся домой, но ни папы, ни мамы дома не оказалось. Сбросив дорожную сумку у Эр Фэя, он отправился искать родителей на новый парниковый участок, где они трудились вместе со старшим сыном семьи Лю — Лю Цзиньшэном.

— Ой, у тебя же сегодня выходной, а мы совсем забыли, — с напускным удивлением всплеснула руками мать.

— Вот ключи, возьми немного денег, сходи в лавку у дороги, купи себе перекусить. Да захвати мяса и овощей, я пораньше вернусь и приготовлю ужин, твой дядя Лю сегодня тоже будет у нас ужинать, — Ли Сю протянула сыну ключи и пятидесятирублевую купюру.

— Кума, не стесняйся. Э-Хуа редко приезжает, побудьте лучше всей семьей, порадитесь, я так у вас оставаться не буду, — вежливо отказался Лю Цзиньшэн.

— Так не пойдет! Мы ведь рассчитываем, что ты сегодня вечером подробно расскажешь нам про технологию выращивания этих виноградных саженцев. Ты у нас человек занятой, раз уж мы тебя поймали, теперь никуда не денешься! — шутливо и строго произнес Су Чжичэн.

Пленку на теплицу еще не натянули, температура стояла невысокая, но землю внутри уже перекопали: сняли тридцать сантиметров старого грунта, вывезли его и насыпали десятисантиметровый слой новой земли, перемешанной с навозом, так что дышать там было тяжело. Поняв, что помочь пока ничем не сможет, Су Цзиньхуа перебросился с ними парами слов и отправился домой с деньгами и ключами.

В эти дни мать явно была по горло в работе: в доме царил полный кавардак, ничего не убрано, а грязной рабочей одежды скопилось едва ли не больше, чем Су Цзиньхуа привез с собой — она живописными кучами валялась по всем углам.

Су Цзиньхуа вытащил во двор старую двухкамерную стиральную машину, натаскал несколько ведер воды, вылил внутрь, засыпал полпачки стирального порошка, выставил режим и, перебрав вещи, начал со светлой одежды. Заперев дверь, он оседлял старый семейный велосипед и покатыл в лавку у дороги.

Сельские магазинчики отличались на редкость широким ассортиментом — по сути, это была миниатюрная и упрощенная версия супермаркета. Вот только, за исключением сигарет, все товары были представлены строго в единственном экземпляре, никакого выбора: что продают, то и бери, бренды здесь не имели никакого значения.

Оглядевшись по сторонам, Су Цзиньхуа не нашел ничего съедобного. Овощи на прилавке выглядели вялыми: деревенские жители покупали зелень только для гостей, сорванных на огороде баклажанов и фасоли вполне хватало на каждый день. В итоге Су Цзиньхуа взял лишь пачку лапши быстрого приготовления, большой кусок свинины от передней части туши да пучок чесночных стрелок.

Вернувшись домой, он выловил из машины светлое белье и сразу же закинул стираться темное. Заглянув на огород за домом, он сорвал миску стручковой фасоли и несколько длинных баклажанов, а заодно прихватил из пространства парочку томатов, яблок и белых груш. Персики трогать не смел — сезон давно прошел, а когда он в прошлый раз привез с собой целый пакет персиков, мать засыпала его расспросами, и ему пришлось сочинять с три короба. Окинув пространство духовным взором, он обнаружил, что во время сбора дикорастущих растений на склоне Горы Цинъянь туда случайно попало несколько кустиков перца — видимо, кто-то из местных сажал. Перец уродился на славу, и он тоже сорвал несколько стручков: у отца были слабые желудок, а мать страсть как любила поострее.

Вернувшись на кухню, он отделил стручковую фасоль, вымыл два крупных картофеля и нарезал их крупными скошенными ломтями в миску. Помидоры нарезал и присыпал сахаром, чесночные стрелки порубил кусочками длиной в палец, перец нашинковал соломкой, а баклажаны аккуратно разрезал и оставил в стороне, предварительно сполоснув, чтобы не потемнели. Из целого куса свинины он отделил постную часть: половину нарезал ломтиками, половину — соломкой, а всё остальное покромсал на толстые стейки.

Пока Су Цзиньхуа хозяйничал на кухне, старенькая стиралка на улице истошно пропела финальную мелодию, извещая об окончании цикла. Он поспешно вытащил белье и залил чистую воду для полоскания.

Полоскание прошло быстро, но после трех смен воды поясница у Су Цзиньхуа заныла, словно собираясь рассыпаться на кусочки.

Развесив выстиранную одежду, он вдруг вспомнил, что до сих пор не обедал. Бросив взгляд на купленную лапшу, он решительно вымыл два больших персика и хрустнул первым.

Когда мать Су вернулась с поля, по двору уже плыл аппетитный аромат тушеной свинины с фасолью, в рисоварке поспевал рис, горы накопившейся за дни одежды были выстираны и развешены во дворе, а ее младший сын сидел на низенькой табуретке и старательно оттирал щеткой обувь. Ой-ёй-ёй, разве можно быть таким очаровательным! Мать Су в ту же секунду растаяла от умиления и, подбежав к младшему сыну, расцеловала его в обе щеки!

— Мам! Ну перестань! Я вообще-то уже взрослый, чего целоваться! — Су Цзиньхуа отбивался от маминых нежностей, но на душе у него было сладко и тепло.

— Сколько бы тебе ни было лет, ты все равно мой сын! — с видом полной правоты заявила мать Су.

— Мам, иди в дом, переодись. Я там помыл фрукты, оставь себе, они очень сладкие. Сдача от магазина тоже на столе лежит, — домыв свои кроссовки, Су Цзиньхуа сунул в тазик отцовские парусиновые кеды, и вода вмиг стала грязно-серой.

— Давай я домою, ты только приехал, отдохни с дороги, — мать Су закатала рукава, собираясь перехватить щетку.

— Не надо, у нас последние два дня сплошная спартакиада была, все равно что отдыхал, я совсем не устал. Да и пар обуви тут всего ничего, — отмахнулся Су Цзиньхуа и продолжил тереть.

Мать Су окинула взглядом обувь — действительно, работы оставалось на пару минут, — подтащила табуретку поближе и уселась рядом поболтать с сыном:

— Ну что, в каких дисциплинах сын участвовал? Медали завоевал?

— Еще как! Взял пять первых мест и одно второе! — с гордостью отрапортовал Су Цзиньхуа.

— Ничего себе! И на что только ты заявлялся? Расскажи маме.

— Прыжки в высоту, в длину, бег на короткие дистанции и две эстафеты. В качестве призов дали пять футболок. Оставить парочку для папы? — спросил он.

— Не нужно, твой отец на работе в хорошей одежде не ходит, оставь все себе. Потом покажешь маме, как они выглядят. Какой же у меня сын молодец, — радостно улыбнулась мать Су.

Они не виделись целый месяц и успели соскучиться, так что после чистки обуви проболтали еще добрых полчаса, пока около четырех часов вечера мать не встала к плите.

Восточная плита на кухне была соединена с каном в восточной комнате, там как раз тушилось мясо с фасолью. Западная плита, поменьше, обогревала кан в комнате Су Цзиньхуа — обычно, когда он отсутствовал, ее не топили, но сегодня она как нельзя лучше подходила для готовки и одновременного прогрева комнаты.

Су Цзиньхуа развел огонь, а мать Су встала за плиту, и вскоре все блюда уже красовались на столе: чесночные стрелки с мясом, тушеные баклажаны, свинина со жгучим перцем по-дунбэйски тушеная фасоль с картошкой, помидоры с сахаром и жареный арахис.

Мать Су отправилась звать отца и гостя к столу, а Су Цзиньхуа быстренько сполоснул посуду и заодно подогрел воды, чтобы отец мог умыться с дороги.

Вскоре отец, мать и Лю Цзиньшэн вернулись, и Су Цзиньхуа тотчас вынес два тазика с водой.

Умывшись и вытирая руки полотенцем, Лю Цзиньшэн заговорил:

— Какой же у вас Э-Хуа толковый! Мой Ганцзи всего на два года младше, а придет домой — только и знает, что есть да играть. Целыми днями шкодит, а об успеваемости и говорить нечего! Я уж жду не дождусь, когда в старшую школу придется за деньги его устраивать.

Су Цзиньшэн со смехом зазывал гостя в дом и на ходу ответил:

— Это у тебя водятся деньги, чтобы его пристроить. А мы с Цзиньшэном всю душу вытрясли, пока он в универ поступал, теперь у меня лишних средств на платное обучение нет, откуда! Каждому свое, видать, судьба такая. А твой Ганцзи — прирожденный баловень судьбы.

Поступление за плату означало, что ученики, не дотянувшие до проходного балла на экзаменах, могли устроиться в школу за взнос, размер которого зависел от недобора баллов — удовольствие безумно дорогое!

Отец польстил гостю легко и непринужденно, и Лю Цзиньшэн расплылся в улыбке:

— Третий брат, ну что ты такое говоришь! Какая там судьба, всё одно и то же, мы все в равных условиях! Послушай меня: поднимем эти саженьцы, и я ручаюсь, ты обоих сыновей женишь с таким шиком, что все обзавидуются!

— Да я-то верю, только согласишься ли ты подписать со мной договор первым? Ну ладно-ладно, давай лучше выпьем! — отец усадил гостя на кан, и они принялись чокаться рюмками над маленьким столиком, наслаждаясь беседой.

Дети и женщины за общий стол не садились, поэтому Су Цзиньхуа с матерью поужинали на кухне, а затем перебрались в комнату, прислушиваясь к разговорам отца и Лю Цзиньшэна.

Лю Цзиньшэн оказался человеком на редкость способным и сообразительным, рассуждал с толком и расстановкой. Отец не упускал случая перенять опыт, и Лю Цзиньшэн не стал утаивать секреты — разложил по полочкам все тонкости посадки винограда и нюансы ухода за ним.

Едва ужин подошел к концу, а рассказ подошел к завершению, Су Цзиньхуа заварил гостю чай, а сам метнулся в свою комнату. Через минуту он вернулся с блокнотом, в котором все услышанные пункты были записаны четко и структурировано, и протянул его Лю Цзиньшэну.

— Дядя Лю, взгляните, всё ли я правильно записал? Переживал, что папа с мамой забудут, вот и зафиксировал. Посмотрите, может, добавить чего нужно?

Взяв блокнот, Лю Цзиньшэн изумленно ахнул:

— Ого! Третий брат, а память-то у твоего Э-Хуа просто феноменальная! Я-то сам годами нащупывал всё это методом проб и ошибок, а сейчас выпаливал всё подряд, что на ум придет. И надо же — Э-Хуа послушал меня всего раз и запомнил абсолютно всё! Да еще и по хронологии разложил: смотри-ка, когда обрабатывать химикатами, когда прищипывать верхушки, когда подвязывать саженьцы — всё до единой мелочи отмечено! Талант, просто прирожденный талант!

Правда, почерк самую малость корявый.

Родители и сами не ожидали, что сын окажется настолько сметливым и внимательным. Они были вне себя от радости, хотя при чужом человеке еще некоторое время скромничали, но сердца их уже давно заликовало.

Вечером, после ухода Лю Цзиньшэна, в доме Су один за другим стали раздаваться телефонные звонки — все адресно спрашивали Су Цзиньхуа. Сначала позвонила третья тетушка, следом — задыхающаяся от смеха тетя, потом — неизменно любопытная четвертая тетушка и даже двоюродный брат по линии второй тетушки! Су Цзиньхуа до того приуныл, что ему и говорить ни с кем не хотелось, а вот мать Су по-прежнему светилась от гордости: дочери у нее не было, но иметь такого симпатичного сына тоже неплохо.

Следующие два дня Су Цзиньхуа продолжал изображать дома примерного ребенка: помогал матери готовить, наводил порядок, даже все стекла в доме перемыл, так что мать Су при каждом удобном случае хвасталась соседям своим младшеньким.

На третье утро Су Цзиньхуа принялся собирать вещи обратно в школу. Погода с каждым днем становилась всё прохладнее, и та самая толстовка с капюшоном, которую некогда привезла четвертая тетушка, пришлась как нельзя кстати. Су Цзиньхуа запихнул ее в огромную сумку, подумал немного, схватил трубку и набрал номер мобильного четвертой тетушки:

— Четвертая тетушка, перешли мне парочку теплых курток, ладно? Нужны и тонкие, и плотные. Деньги? Нету! На зимних каникулах приеду к тебе, буду помогать торговать, считай, авансом за работу. Только смотри, чтобы спереди не было этих дурацких галок, а сзади — трилистников. Ты бы хоть контрафакт попрличнее закупала, м? Ладно, договорились. Больше вопросов нет, папа и мама проживают отлично, не трать телефонные деньги понапрасну. Четвертая тетушка, пока! Бай-бай! М-м-м, лови воздушный поцелуй от юного красавчика! Бай-бай...

Мать Су горячо поддержала сына, а поскольку за эти дни Су Цзиньхуа проявил себя с самой лучшей стороны, она в порыве щедрости добавила ему еще сто юаней, за что Су Цзиньхуа тут же бесплатно презентовал ей целую россыпь поцелуев юного красавчика.

В половине одиннадцатого утра Су Цзиньхуа со своими пожитками направился к Эр Фэю, а тот как раз развалился перед телевизором, закинув ногу на ногу.

— Чего это ты так рано срываешься? Я еще и пообедать не успел, — не отрывая глаз от экрана, буркнул Эр Фэй.

— Смотришь всякую чушь с середины! У меня дела, я ухожу раньше, так что не забудь залить мне баночку мясного соуса, что твоя мама приготовила! Вечером жду тебя в столовой для преподавателей нашей школы. Сумку пока оставь у себя, потом принесешь мне в школу, — бросил сумку Су Цзиньхуа и направился к выходу.

— Стой-стой! Погоди пару минут, я тоже без обеда останусь, всё равно мама занята. Соус я тебе уже упаковал, но отец сегодня уехал, так что придется нам обоим топать к дороге и ловить попутку, — выключив телевизор, Эр Фэй принялся судорожно собираться.

— Тогда тащи мою сумку! — Су Цзиньхуа повесил свой дорожный баул прямо на Эр Фэя.

— Это с какой стати?! — возмутился Эр Фэй, однако сбрасывать ношу не рискнул.

— А я-то думал, нас твой отец на машине подбросит! Стал бы я собирать такую огромную сумку, если бы тащить пришлось самому?! — с абсолютно невозмутимым видом заявил Су Цзиньхуа.

Эр Фэй чувствовал, что в этой логике что-то не так, но пока он пытался сообразить, в чем подвох, Су Цзиньхуа уже заложил руки за спину и зашагал вперед. Эр Фэю оставалось только вздохнуть и потащиться следом с двумя огромными сумками наперевес.

<http://bllate.org/book/25344/3021139>